

«ВЕСЕННЯЯ СИРЕНЬ» НА ЧУЖБИНЕ: «ПАСХАЛЬНЫЕ СТИХИ» А. ПАРКАУ¹

Гао Чуньюй

профессор, Цицикарский университет (КНР)

liubochunyu@163.com

"SPRING LILACS" IN A FOREIGN LAND: THE "EASTER POEMS" OF A. PARKAU

Gao Chunyu

Summary: The article examines the poems of A. Parkau, a poetess of the Russian "Eastern" foreign countries, dedicated to Easter. A. Parkau's lyrics are put into the context of other prose and poetic works of "Easter themes" created in Russian literature of the 19th – early 20th centuries. The peculiarities of the embodiment of the main Easter themes and motives in the poetess's works – spiritual transformation of man, empathy for other people's suffering, ability to forgive and rejoice, as well as love for neighbors – are revealed. A. Parkau's Easter lyrics were characterized, on the one hand, by a connection with modernity, and on the other hand, by an appeal to reflections on the future of Russia and the fate of Russian people, emphasizing the motives of faith and hope.

Keywords: A. Parkau, Russian literature, Far Eastern emigration, Easter lyrics.

Аннотация: В статье исследуются стихотворения поэтессы русского «восточного» зарубежья А. Паркау, посвященные Пасхе. Лирика А. Паркау вводится в контекст других прозаических и стихотворных произведений «пасхальной тематики», созданных в русской литературе XIX – начала XX в. Выявляются особенности воплощения основных пасхальных тем и мотивов в творчестве поэтессы – духовного преображения человека, сопереживания чужим страданиям, умения прощать и радоваться, а также любви к ближним. Для пасхальной лирики А. Паркау была характерна, с одной стороны, связь с современностью, а с другой – обращение к размышлениям о будущем России и судьбам русских людей, акцентирование мотивов веры и надежды.

Ключевые слова: А. Паркау, русская литература, дальневосточная эмиграция, пасхальная лирика.

Творчество А.П. Паркау (по мужу Нилус) (1887–1954) занимает особое место в литературе русского восточного зарубежья. Она стала «первым по времени профессиональным поэтом» русского Китая и «разбудила харбинскую музу», когда в 1916 г. приехала в Харбин [9, с. 35]. Её литературная деятельность началась в этом городе, а в 1930-е гг. её семья переехала в Шанхай, и именно в квартире Нилусов собирался литературный кружок «Среда», развивавший традиции харбинской «Чураевки». Стихи поэтессы печатались в журнале «Рубеж» и сборнике «Багульник» (1931). В 1937 г. она опубликовала свой первый авторский сборник «Огонь неугасимый», а в 1942 г. – вторую книгу стихов под названием «Родной стране».

А. Паркау не случайно называют «гордостью» поэтесс-эмигранток [17, с. 29]. От других поэтесс-эмигранток Харбина и Шанхая её отличало ощущение органичной связи с мировой культурой [1]. Такая специфика её творчества была обусловлена как особенностями её биографии – прекрасным образованием, родом деятельности (занятия журналистикой и переводом), свободным владением французским языком [7, с. 135]. В этом плане А. Паркау можно было бы сопоставить с её младшей со-

временницей, – поэтессой русского Харбина М. Визи [18, с. 13–14]. Поэтому не случайно то, что одной из постоянных тем творчества А. Паркау стало описание праздников – как российских (Рождество, Новый год, Пасха), так и китайских (Праздник Весны). Картины праздников в её лирике, с одной стороны, становятся эмоциональным откликом поэтессы на современность, а с другой – способом воспроизведения культурной памяти.

Один из таких праздников, описание которого заняло особое место в творчестве А. Паркау, – Пасха. Религия – важная часть человеческой культуры. Это и общественная идеология, и социально-историческое явление. Это социальная система эмоциональных переживаний, идеологии, поведенческой деятельности и организационной системы людей, вдохновенных некой таинственной сверхъестественной силой [6, с. 607]. Русская культура взаимодействовала с христианской верой – ортодоксальным православием – на протяжении более тысячелетия. За это время православие глубоко вошло в народные представления и быт, обогатило язык, придав некоторым лексическим единицам новые смыслы и оттенки. Для православных христиан Пасха стала важнейшим религиозным праздником.

¹ Публикация статьи осуществлена при финансовой поддержке Научного фонда отдела образования провинции Хэйлуньцзян, проект № 145309366.

Пасхальная тема была очень важна для русской литературы XIX в. Празднование Пасхи (как и всей Страстной недели), а также связанные с ней события, воспроизводятся во многих знаковых произведениях – «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя (глава «Светлое Воскресение»), «Записках из Мертвого Дома», «Униженных и оскорбленных», «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Подростке» и «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского, «Господах Головлёвых» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Воскресении» Л.Н. Толстого, «Лете Господнем» И.С. Шмелёва и многих других, в которых описание событий праздника и связанной с ним символики играет значимую для раскрытия смысла роль.

Пасха – Воскресение Иисуса Христа – в русском культурном сознании соотносилась с размышлениями о жизни и смерти, с обретением духовного утешения или психологического покоя. В русской классической литературе выделялась мысль о *воскресении* после смерти потому, что эта идея вселяла в человека дух надежды, который влиял на его выбор в настоящей жизни. Одним из ярких примеров такого рода является роман Достоевского «Преступление и наказание», в котором идея искупления даёт герою мужество выжить. Все эти концепции были очень важны для русских эмигрантов, оказавшихся в Китае, поскольку становились поводом для обретения надежды. Взглянув в глаза смерти, они надеялись найти в гипотетическом будущем некую тихую гавань, расположенную «по ту сторону мира», где их ожидает осмысленная и плодотворная жизнь.

В конце XIX в. в русской культуре сформировался особый прозаический жанр, который отсутствовал, например, в западноевропейской литературе, – жанр *пасхального рассказа*. Пасхальные рассказы создавали Н.С. Лесков («Фигура»), М.Е. Салтыков-Щедрин («Христовая ночь»), Ф.М. Достоевский («Мужик Марей» в составе «Дневника писателя»), Л.Н. Толстой («После бала»), А.П. Чехов («Письмо», «На Страстной неделе», «Студент», «Архиерей»), В.Г. Короленко («Старый звонарь»), И.А. Бунин («Чистый понедельник», «На чужой стороне»), Л.Н. Андреев («Баргамот и Гараська», «Гостинец», «В Сабурове», «Прекрасна жизнь для воскресших»), А.И. Куприн («Московская пасха», «Пасхальные колокола», «Инна», «Пасхальные яйца», «По-семейному»), Саша Чёрный («Пасхальный визит»), З.Н. Гиппиус («Святая плоть»), В. Набоков («Пасхальный дождь»), М.И. Цветаева («Пасха») и другие писатели [14; 2; 3]. Для этого жанра было характерно воспроизведение особого настроения – «умиление и упование на народную веру и русское Православие» [8].

Основные черты пасхальных рассказов перечислены в статье Л.Г. Шестернёвой: «Важнейший мотив пасхальных произведений – духовное воскресение человека, сопереживание Страстям Господним, покаяние, милосердие, любовь к ближнему». Подводя итог сказанному,

исследовательница отмечает: «Пасхальные рассказы неизменно демонстрируют духовное преобразование человека, победу любви и добра, умение прощать и радоваться счастью других» [19, с. 105]. Пасхальные тексты обычно сопровождаются «пасхальными» символами и образами – крест, верба, «четверговая соль», кулич, яйцо, колокольный звон, храм, святая вода. Богатая система тропов делала описания Пасхи яркими и эмоционально выразительными: «А радость пасхальная все ширилась, как Волга в половодье, про которое не раз отец рассказывал. Весенними деревьями на солнечном поветрии заколыхались высокие хоругви. Стали готовиться к крестному ходу вокруг церкви. Из алтаря вынесли серебряный запрестольный крест, золотое Евангелие, огромный круглый хлеб – артос, заулыбались поднятые иконы, и у всех зажглись красные пасхальные свечи» [11, с. 59].

Однако в русской классической литературе появилась не только пасхальная проза, но и поэзия, причём стихотворения, посвящённые Пасхе, стали появляться раньше, чем рассказы. Русская пасхальная лирика своими корнями уходила в древнюю христианскую святоотеческую традицию, которая проникла через византийскую культуру, из которой она черпала религиозно-философские идеи, образы и мотивы. Пасхальную лирику мы встречаем в творчестве таких поэтов, как Н.И. Гнедич («У Бога мёртвых нет»), В.К. Кюхельбекер («На Воскресение Христа»; «Воскресение Христово»), Ф.И. Тютчев («День Православного Востока», «Святая ночь»), А.К. Толстой («Утешенье»), А.Н. Плещеев («Как солнце блещет ярко»; «Христос воскрес!»), К.К. Случевский («Воскрес!»; «День наступил, зажглась денница»), К.Д. Бальмонт («Благовест», «Красота»), Я.П. Полонский («Пасхальные вести»), А.Н. Майков («Христос воскрес»), К.Р. («Хвала Воскресшему»; «Тебе, Воскресшему»; «Хвалите Господа с Небес»), Л. Чарская («Колокола»; «Земля и солнце...»), А.А. Блок («Верю в Солнце Завета»), И.А. Бунин («Христос воскрес»), Д.С. Мережковский («“Христос воскрес” – поют во храме»), С.А. Есенин («Пасхальный благовест»), М.А. Кузмин («Пасха»), С.М. Городецкий («У Гроба Воскресшего Господа»), И.В. Северянин («Пасхальный гимн»), Ф.К. Сологуб («Знаю знанием последним»), М.И. Цветаева («Пасха в апреле»; «Царю – на пасху») Б.Л. Пастернак (стихи Ю. Живаго – «На страстной»; «Чудо», «Дурные дни», две «Магдалины»; «Гефсиманский сад»), Н.М. Рубцов («Пасха под синим небом») и других.

В русской пасхальной поэзии сформировался определённый круг настроений, мотивов, тем и образов, соотносённых с пасхальными празднествами. Прежде всего стихи передают радость чуда обновления природы и человека, победы жизни над смертью, любви – над злобой и страхом, света – над тьмой (мраком). Большую роль в этих стихах играет тема весны и связанные с ней природные и растительные мотивы (оживающие деревья, лес и поля, утренняя заря, яркое солнце и т. п.).

Стихи наполнены деталями, передающими чувственное восприятие, – звуками (описаниями радостного пения ангелов, церковного хора, птиц, благовестного звона колоколов), запахами (свечного воска, мёда, куличей, цветов – роз и фиалок – и т. п.), разнообразных оттенков цвета, среди которых преобладает зелёный (соотнесённый с миром природы) и красный (алый, багровый, огненный), соотнесённый с миром людей и страданиями Христа.

Особое место, которое в пасхальной лирике занял красный цвет, не случайно. Использование слов, обозначающих разные цвета, напрямую связано не только с общественной жизнью и жизненной практикой людей, но и с вероисповеданием русского народа [10, с. 25]. В древнерусском языке слово «красный» имело значения «красивый», «праведный», «хороший», а в религиозных представлениях красный цвет символизировал христианских подвижников. С красным цветом в русской культуре были связаны концепты «жизнь», «кровь» и «огонь»; его можно назвать «дуалистическим», поскольку он воплощает как любовь, так и смертельную борьбу [19, с. 104]. Первая неделя после Пасхи в русском народе называлась «Красная горка» поскольку в старину жители деревень в этот период нередко уходили встречать праздник на возвышенности, расположенные недалеко от поселений. На Страстной неделе и в воскресенье перед Пасхой красный цвет являлся специальным цветом поклонения, поскольку он символизировал человеколюбие Бога [16, с. 29].

Пасхальная тема в поэзии продолжила своё развитие и в литературе русского зарубежья, – например, в стихах В.В. Набокова («Тайная Вечеря») или И.А. Бродского («Натюрморт»); свой вклад в развитие этой темы внесли и представители русского восточного зарубежья, – например, А.И. Несмелов («Пасхальная ночь»; «Наша Пасха»). Для представителей русского зарубежья (особенно «восточного») тема христианских праздников оказывалась особенно важной, поскольку была тесно связана с темой памяти о прошлом, с традициями русской классической культуры, которые стремились сохранять в своём творчестве писатели-эмигранты (прежде всего оказавшиеся в нехристианских странах). Отдала должное теме Пасхи и А. Паркау, которая посвятила этому празднику несколько стихотворений: «Харбинская весна», «Вербная свечка», «Дружная Пасха», «Постом», «Страстная неделя», «У заутрени», «Яичко», «Ты – один» в сборнике «Огонь неугасимый» (1937) [12] и «У заутрени» в сборнике «Родной стране» (1942) [13]. По сути, все эти произведения, связанные единой темой, представляют в её творчестве единый «пасхальный цикл».

В своей пасхальной лирике А. Паркау следует уже сложившимся в русской культуре традициям: вслед за упоминанием молитвы в храме («Мы – в церквах стараемся молиться») сообщается о приходе весны: «Тонкий трепет

первых дней апреля, / В воздухе весенняя свирель» и о духовных задачах, стоящих перед людьми, – эмоциональное обновление и освобождение от трагических размышлений («И кладем к подножью плащаницы / Груз сомнений злобы и обид»; «Чтоб войдя, не ощутил Пречистый / Горечь пыли, тлена и греха» («Страстная неделя») [12]. Появляются в рассматриваемых стихотворениях А. Паркау и другие традиционные атрибуты Пасхи: молитва в храме, хор, поющий «светлый гимн победный», горение восковых свеч (и соотнесённая с ними тема «духовного горения»), праздничный звон колоколов, пасхальное яичко, символизирующее приход весны и зарождение новой жизни, а также воскресение Иисуса Христа из мёртвых.

Характерна цветовая символика, использованная в пасхальной лирике А. Паркау. Пасхальные дни в её произведениях окрашивают белый, голубой, зелёный и красный цвета. Присутствуют и тёмные цвета (например, коричневый), которые нужны для контраста со светлыми, радостными тонами, побеждающие мрак и мглу. Каждый из них имеет своё символическое значение: белый цвет соотнесён со светлыми солнечными днями, голубой – цвет неба, зелёный – цвет весенней природы. Главный цвет – красный (алый), представленный через пламя свечей, торжественных облачений священников, лент и цветов, украшающих храм; он символизирует кровь Христа, пролитую при распятии, а также искупление грехов человечества. Вся Пасха оказывается «красной», потому что этот цвет обозначает воскресение, победу вечной жизни над смертью.

Интересно проследить, как характеризует А. Паркау в стихотворении «У заутрени» прихожан, собравшихся в храме на пасхальную службу. Это «бездомные», «бесчастные», «больные и бедные» люди. Показательно ещё одно название, заимствованное поэтессой из древнерусской культуры, – «калики переходные».

Точно толпы калик переходных
Собрались мы с больших дорог...
Наша радость на грусть похожа...
Жив – ты? Жив ли наш русский Бог? [12, с. 122].

«Каликами переходными» в русском фольклоре (например, в былинах) именовались странники, совершавшие хождение из одного сакрального места в другое (например, из какого-либо русского православного монастыря в «небесный град» Иерусалим). Такие путешественники, согласно древнерусским представлениям, были живыми источниками информации о других странах и землях, но и могли обладать особыми качествами – огромной физической и духовной силой, уникальными знаниями; при этом сами они обычно следовали аскетическим идеалам. Калики, с одной стороны, оказывались хранителями религиозных и нравственных преданий русского народа; с другой стороны, побывав

в «заморских» «святых местах» – Греции (Византии) или Палестине, – они сами одновременно становились переносчиками культуры других народов, рассказывая перед собравшейся толпой русских людей на площадях и рынках жития святых или апокрифические легенды. Очевидно, что такое сопоставление русских эмигрантов, проживавших в Китае, с «каликами» вполне закономерно и отражает точку зрения поэтессы: русские изгнанники, как и калики – несмотря на свою «бедность» (в материальном аспекте), «бездомность» и «бессчастье» – являются хранителями национальной культуры, и носителями культуры «чужой», обогащающей «свою».

Пасха в лирике А. Паркау связана с представлениями о счастье – прежде всего счастье семейном. Замечательные традиции в светлый праздник объединяли многие семьи – это и творожная пасха, и ароматные куличи, и освященные крашеные яйца... В этой ситуации праздник вплотную пересекается с повседневной жизнью, а «житейское» начало обретает глубокое «бытийственное» содержание («Дружная Пасха»):

А у стола уютно на диване
Сидят втроём родители и сын,
И говорят о том, что в жизни, как в романе,
Смысл бытия везде, всегда один [12, с. 79].

Стихи А. Паркау передают радость семейного общения, когда родители и дети единой семьёй сидят за пасхальным столом, вкушают праздничную еду и разговаривают: «Счастье соткано из иллюзий, надежд, доверчивости к людям, уверенности в самом себе, потом из любви, дружбы...» [4, с. 418]. Такое близкое семейное общение, которое даёт людям Пасха, открывает путь к истинной любви («Дружная Пасха»):

Прочь ханжество и шире путь надежде,
Пусть в жилах бьется трепетная кровь;
Повсюду царствует, и царствовала прежде,
И будет царствовать – любовь! [12, с. 79].

Очень важный пасхальный мотив для А. Паркау – мотив *веры* и *надежды* на более светлое будущее, которые тесно связаны с мотивами *любви* и *мечты*, присутствующими почти в каждом её стихотворении на рассматриваемую тему:

Мы – в сердцах с надеждой и смущеньем
Страстно ждем, в субботу кончив труд,
С вестью о Христовом Воскресеньи
Весть о том, что души не умрут [12, с. 119].

Мотивы, соотнесённые с будущим, появляются и в других пасхальных стихотворениях поэтессы. В стихотворении «У заутрени», посвящённом важнейшему ритуалу Пасхи – всенощному бдению, также известному как «Вербное воскресенье»:

В чёрном небе кресты золотые,
Огоньки на литых крестах...

Окна храма мечтой залитые,
Завитые в цветных лучах [12, с. 122].

В стихотворении «У Заутрени» из сборника «Родной стране» (по сути – это небольшая поэма), опубликованном в суровые военные годы, представлена развёрнутая картина идеальной России будущего, радостно отмечающей светлый праздник Пасхи:

Наш край, родной... Россия... Ты ли?
Ты здесь? Ты с нами? Ты жива?
Взвилось трёхкрасочное знамя,
Воскрес распятый русский Бог...
<...>

Горит Восток в сияньи робком,
Играя в зеркале реки,
И от заутрени по тропкам
Идут из церкви мужички.
На девках красные платочки,
Подкован медью каблучок,
Идут, несут в руках кулёчки, –
Кулич, яички и творог.

<...>
Трепещут льдинки, блещут струи,
Поёт осанну вешний лес,
И раздаются поцелуи...
Христос Воскрес! Христос Воскрес! [13, с. 28–29].

В стихотворении «Дружная Пасха» воспроизводится несколько временных пластов, соотнесённых с празднованием Пасхи. На будущем сосредоточены мечты сына:

Сын о курсисточке мечтает безмятежно,
Её глаза полны загадок и чудес,
И на заутрени она так ласково и нежно
Она ответила: Воистину Воскрес!

Отец преимущественно интересуется настоящим, а размышления матери в большей мере соотнесены с прошлым.

Отец о той, что вот сейчас шагает,
И ждёт его в саду, там, у окна,
А мать о том, кого никто не знает,
И знает лишь она одна [12, с. 79].

В таком контексте слово «дружная», вынесенное в заголовок стихотворения, явно приобретает ироническое значение, поскольку каждый из членов изображаемой семьи имеет личные цели, не соотносимые с целями других людей, и их «дружность» оказывается мнимой, обусловленной лишь формальным моментом – совместным празднованием. Каждый фрагмент памяти лирической героини пасхальных стихов А. Паркау как бы обладает собственной ценностью, поскольку хранит частичку дорогого прошлого и вызывает трогательные воспоминания. Размышления, соотнесённые с праздником, соотносились с разными образами прошлого, часто неясными и неопределёнными, постепенно перетекавшими из од-

ного в другой, проступающими сквозь туман детских и юношеских воспоминаний.

Своим чутким пером и острым чувством культуры А. Паркау продемонстрировала огромный духовный потенциал «праздничной» тематики в русской литературе. Поэтесса улавливала эмоции повседневной жизни и вплетала их в свои стихи, проецируя собственное восприятие окружающего мира на мир литературы. Описания праздников – как российских, так и китайских – способствовали установлению эстетических связей с читателями разного социального статуса. Пасхальный цикл А. Паркау, с одной стороны, развивал поэтическую традицию, сложившуюся в русской литературе, с другой – вносил в неё новые смыслы, обусловленные нахождением поэтессы и её читательской аудитории в «чужом» культурном пространстве, ощущением особой эпохи, пониманием миссии хранителей национальной культуры.

В пасхальном стихотворении Ф. Тютчева «Святая ночь на небосклон взошла», была высказана мысль о *бogoоставленности* человека в момент смерти Христа:

<...> И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен, и гол,
Лицом к лицу пред пропастью темной.
На самого себя покинут он –
Упразднен ум и мысль осиротела –
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела... [15, с. 215].

Мы может отметить, что пасхальные стихи А. Паркау были направлены на преодоление у людей ощущения одиночества и «бogoоставленности»; они и сами оказывались такой «опорой» в «бездне» русской души. Именно в этом, как нам представляется, заключаются основные цели «праздничной» поэзии представителей русской дальневосточной эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арустамова А.А. Литературная сирень: к специфике усадебного топоса в поэзии и прозе русского зарубежья // Филология в XXI веке. 2023. № 1 (11). С. 45–54.
2. Большая Пасхальная книга. Пасхальные рассказы. М.: АСТ, 2016. 320 с.
3. Воскресение и жизнь... Пасхальная проза русских классиков. М.: Вече, 2018. 320 с.
4. Гончаров И.А. Обыкновенная история: Роман в двух частях // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 172–469.
5. Григорий Богослов. Размышление // Исихазм.ру: портал. URL: <http://www.isihazm.ru/?id=384&iid=514> (дата обращения: 18.02.2024).
6. Жэнь Цзюйюй. Словарь религий. Шанхай: Шанхайское изд-во «Словарь», 2009. 1272 с. = 仁继愈. 宗教词典[Z]. 上海: 上海辞书出版社, 2009.1272页.
7. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 428 с.
8. Захаров В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Слово.Ru: портал. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37163.php> (дата обращения: 16.02.2024).
9. Крейд В. Все звезды повидавав чужие // Русская поэзия Китая. М.: Время, 2001. 720 с.
10. Люй Ли. О национальных культурах и психологических особенностях, воплощенных в русских цветочных словах // Вестник Шэньянского института авиационной промышленности. 2008. № 6. С. 173–175. = 吕莉. 谈俄语颜色词所体现的民族文化及心理特点[J]. 沈阳航空工业学院学报, 2008(6).173-175.
11. Никифоров-Волгин В. Светлая заутреня // Детям о Пасхе Христовой: сборник / сост. Н.Г. Куцаева. 7-е изд. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2018. С. 54–61.
12. Паркау А. [Нилус А.П.]. 1937. Огонь неугасимый: стихи. Шанхай: [б. и.], 1937. 200 с.
13. Паркау А. [П.]. Родной стране. Шанхай: б. и. [Слово], б. г. [1942]. 51 с.
14. Пасхальные рассказы. Знаменитые русские писатели о великом и сокровенном празднике. М.: Рипол Классик, 2019. 272 с.
15. Тютчев Ф.И. Святая ночь на небосклон взошла // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6 т. / Сост. В.Н. Касаткина. М.: Издательский центр «Классика», 2002. Т. 1. 528 с.
16. Цао Минвэй. Концепт «красный» в языковой картине мира русского языка // Исследования по русскому языку, литературе и культуре. 2020. № 4. С. 113–120. = 曹铭威. 俄语语言世界图景中的红色观念[J]. 俄罗斯语言文学与文化研究, 2020(4):113–120.
17. Цюй Сюэпин. Поиск Сирени: исследование творчества русских поэтесс-эмигранток, проживавших на Востоке: магистерская диссертация. Цицикарский университет (Китай). 2012. 47 с. = 曲雪平. 探索紫丁香--对摇曳于东方的俄侨女诗人的研究. 齐齐哈尔大学硕士毕业论文, 2012: 47.
18. Через океан: очерки литературы русской эмиграции в Китае и в США (1920–1930-е гг.) / А.А. Арустамова, Б.В. Кондаков, В.А. Филимонова, Хэ Тинтин; под ред. А.А. Арустамовой и Б.В. Кондакова. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 152 с.
19. Шестернёва Л.Г. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Поволжский педагогический вестник. 2021. Т. 9. № 4 (33). С. 102–106.

© Гао Чуньюй (liubochunyu@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»